

Лакан находит совпадение методов построения систем. Опираясь на эту аналогию, Лакан строго доказывает релевантность предпринятого сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа. – М.: Гнозис, 2006. – 416 с.
2. Lacan J. Kant avec Sade // Ecrits. – Paris: Seuil, 1966. – P. 765-790.

УДК 17.0

И. А. АПОЛЛОНОВ

г. Краснодар, КубГТУ

ЭТНИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС И ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ МОРАЛИ

(Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-26-20001 а(м) «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодежи Армении и России)»)

В статье рассмотрена этическая сторона этнического парадокса современности. Культурная граница рассматривается как область сопряжения универсальной формы и конкретно-исторического содержания морали.

Этнический парадокс современности; этнокультурная идентичность; категорический императив; мультикультурализм; культурная граница

I. A. APOLLONOV

THE ETHICAL PARADOX AND THE PROBLEM OF UNIVERSAL MORAL GROUNDINGS

The article considers the ethics of ethnic paradox of modernity. Cultural boundary is considered as an area of conjugation of the universal form and the particular content of morality.

Ethnic paradox of modernity; ethno-cultural identity; categorical imperative; multiculturalism; cultural border

Нелинейная сложность социокультурных процессов современного мира сфокусирована в феномене этнического парадокса современности. Суть данного парадокса в том, что на фоне объективных процессов глобализации, которые, казалось бы, должны положить «конец истории» (Ф. Фукуяма), спеть «Реквием по этносу» (В. Тишков), этнический фактор, архаичный по своей природе, не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. Причём подобное усиление происходит как в распадающихся империях, так и в объединяющейся Европе; как среди многочисленных мигрантов, так и среди местного населения. Показателен феномен «национализма третьего поколения», когда интерес к своим этническим корням проявляют внуки тех, кто предпочёл своей стране благополучие Западного мира и хотел стать обычным американцем или европейцем.

В мировоззренческом аспекте этнический парадокс показывает проблематичность универсалистских идеологем («свобода, равенство и братство»; «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «американская мечта» и т. п.), призывающих человека бросить свою этнокультурную инаковость в «плавильный котел» нового общества, устремленного к счастливому общечеловеческому «завтра». Напротив, человек обращается к особенностям своего этнического «вчера», традиционным ценностям, в которых он упорно ищет основания собственной идентичности, ответа на вопрос «Кто я?».

В этическом плане этнический парадокс выражается в столкновениях различных ценностно-нормативных систем, приводящих к мысли о том, что нормативный универсум западного либерала не является единственной обитаемой моральной вселенной (8. С. 75).

Конечно, подобное столкновение происходит не впервые. Напротив, можно сказать, что такие столкновения являются нормой исторического существования морали. Европа, которую мы знаем, началась с грандиозного столкновения этических концепций многочисленных религиозных и философских учений поздней античности с нормами морали варварского мира. В средневековой Европе этические нормы и идеалы христианства сталкивались

с нормативно-ценностными системами мусульманства на юге, политеизма в Прибалтике, диаспоры иудеев внутри собственных стран. А после Великих географических открытий и активной колонизации открытых земель таких столкновений стало на порядок больше.

Принципиальной является разница в отношении западных интеллектуалов и политиков к подобному разнообразию. Ведь до «этнического парадокса» мейнстримом такого отношения была убежденность, сначала в неоспоримой правоте истины Откровения, а со времен Просвещения – в универсальности разумных основ общественного устройства. Естественным следствием подобной убежденности был нравственный долг распространения соответствующих истин. Формы такого распространения были различны: от миссионерства и просвещения до крестовых походов и мировой революции. Но все эти формы, воспринимаемые как «бремя белого человека», были направлены в конечном счете на разрушение традиционного уклада жизни ради приобщения людей к прогрессивным формам европейской культуры: «просветители и их последователи исходили из того, что достаточно выяснить и объяснить людям, *что* есть истинно Разумное, как это Разумное станет в их глазах одновременно и Священным, и Прекрасным» (З. С. 64). Так для Робинзона Крузо собственная культура Пятницы не имела никакого значения, ему даже неинтересно настоящее имя этого дикаря. Важно было обратить его в христианство и приобщить к благам цивилизации – всему тому, что воплощает подлинную культуру и настоящие моральные принципы.

Реакция интеллектуалов и политиков на «этнический парадокс современности» была совершенно иной, связанной с провозглашением равноценности ценностных оснований различных культур, что породило теорию и практику мультикультурализма. Подобный подход связан с утверждением культурной обусловленности человека. Как справедливо отмечает А. Б. Гофман, на рубеже тысячелетий культура обретает статус парадигматической категории и универсального объяснительного принципа. Социальные структуры и их развитие стали рассматриваться как результат

действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов (2. С. 133). Культура в данном контексте рассматривается в качестве своеобразного «генетического кода» воспроизводства и развития форм человеческой жизнедеятельности, в основе которого лежат универсалии культуры – базовые ценности, фундаментальные жизненные смыслы понимания человека, природы, нравственности (7. С. 9-10). Каждый такой «геном» порождает свою уникальную культуру, и совокупность культур невозможно свести к единому аксиологическому знаменателю.

Подобный поворот не случаен. Ведь культура, будучи формой воспроизводства социальной жизни, представляет собой область сопряжения человека как индивида с человечностью как своей родовой сущностью. Вне такого сопряжения человек и человечность выпадают в абстрактные крайности номинализма и реализма. Поэтому конкретность форм культуры (особенно базовых для человека форм этнической культуры: язык, очевидный горизонт в представлениях о достойном и постыдном, нормальном и образцовом) определяет конкретную полноту человеческого бытия. В этом и проявляется экзистенциальная сторона «этнического парадокса современности», при котором сакральное ядро традиционной культуры противится позитивистскому «расколдовыванию мира», конструирующему профанные формы массовой культуры и общечеловеческих ценностей. И в этом смысле мультикультурализм представляется вполне справедливой теорией и практикой общественного мироустройства.

Вместе с тем, возникает вопрос: как в рамках мультикультурализма возможно сочетание автономности аксиологических оснований, обуславливающих культурные различия общества, с безусловностью морали, ее абсолютистскими притязаниями, которые справедливо считаются фундаментальным условием этики? Ведут ли различия нормативно-ценностных оснований множества этнических культур к их несоизмеримости?

Отвечая на эти вопросы, мы обратимся к этике Канта, признанной вершине универсалистского взгляда на природу морали. Ведь пафос

утверждения категорического императива в качестве фундамента морали как раз и состоит в абсолютизации нравственного начала как безусловного повеления чистого разума, принципиально игнорирующего историческое развитие нравственности, ее зависимость от условий жизни людей (5. С. 22). Вместе с тем, интересно соотношение категорического императива и социокультурной обусловленности человека, которое ведет к гетерономности этических систем. Кант подчеркивает принципиальное различие безусловности морали, с одной стороны, и, с другой стороны, какой бы то ни было обусловленности нравов. Подобное различие Кант иллюстрирует примером о запрете лгать, в первом случае, обусловленном желанием сохранить честное имя, а во втором случае – вне отношения с возможным позором (4. С. 101). Однако в этом примере можно увидеть, что данное различие относится к форме нравственного императива, тогда как в содержательном плане отличие между этими уровнями нравственности отсутствует. Тем самым, культурно обусловленная ценность *честного имени* являет собой ту грань, которая сопрягает человека с безусловным требованием нравственного закона. Ведь вне подобной ценности ложь и правда становятся морально индифферентными. И такое содержательное единство актуализируют проблему культурной границы в контексте устремленности нравственного сознания к абсолютности и безусловности.

В данном контексте культуру следует рассматривать не просто как социальный код, а в качестве особой деятельности по идеалопроизводству (6. С. 9). И культурная граница придает устремлению человека к абсолютности и безусловности нравственного закона ту определенность, в которой формальность этого закона получает содержательную оформленность. Применительно к формам этнической культуры такая роль границы предполагает устремленность к высотам общечеловеческого духа. Здесь особенности нравственного мироустройства «Мы» представляют собой область сопряжения налично имеющегося «Я» и долженствующего быть «сверх-Я». Именно такое сопряжение и порождает человека как моральную личность.

Однако при отсутствии такого сопряжения культурная граница оборачивается своей «изнаночной» стороной, обособляющей «Мы» и «Они». При этом нравственная автономность «Я» имеет тенденцию к рассубъективации в обособляющихся формах групповой идентичности. Именно такую сторону этнокультурной границы утверждают теоретики этноконструктивизма, рассматривающие этничность как способ организации культурных различий. При таком подходе границы этничности рассматриваются как «критерии определения принадлежности и способы сигнализирования о включенности / исключенности» (1. С. 17). Тем самым в этнических границах подчеркивается лишь принцип группового разграничения. Соответственно, порочной является практика мультикультурализма, подчеркивающая самоценность культурных различий.

Таким образом, культурная граница представляет собой меру нравственности, грань, которая удерживает моральный закон от расподобления в абстрактной всеобщности, с одной стороны, и, с другой стороны, отгораживанием в замкнутую обособленность, выхолащивающую общечеловеческую универсальность этнокультурных норм и ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. статей / под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9-18.
2. Гофман А.Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник, 2010. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 128-136.
3. Гофман А.Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма // Социологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 63-73.
4. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.

5. Ойзерман Т.И. Категорический императив Канта как предмет критического анализа // Кантовский сборник. – 2008. – № 1. – С. 21-30.
6. Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 248 с.
7. Стёпин В.С. Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 8-15.
8. Хомяков М.Б. Брайан Бэрри: либеральный универсализм против мультикультурализма и национализма // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – № 1(X). – С. 74-100.

УДК 17.0

С. З. ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет

ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И РАЗУМА

В статье обосновываются положения о нравственности как о генетически первичной социальной связи, из которой рождаются свобода воли, разумное мышление, взаимное доверие и солидарность людей.

Нравственность, свобода воли, достоинство, практический разум

S. Z. GONCHAROV

THE VALUE OF MORALITY IN THE DEVELOPMENT OF MAN AND THE MIND

The article substantiates the position of morality as a genetically primary social bond, from which are born free will, rational thinking, mutual trust and solidarity of people.

Morality, free will, dignity, practical reason

Исторически нравственность формировалась как самоограничение индивидов ради сохранения их общности. Из-за самоограничения индивидами своих вожделений родилась базисная, человекообразующая способность –